

логии, вряд ли можно причислить к различным выражениям. Во всяком случае в капитальном и авторитетном *Nykysuomen sanakirja* нет соответствующей пометы для образований, начинающихся словом *mieli-* (ср. *mielipaha*, *mielihyvä*, *mielihalu*, *mieliharmi* и т. д.).

5. Вызывает сомнение утверждение автора о том, что якобы в карельской фразеологии практически нет полисемии (стр. 94, 97, 154). Маловероятно, что, например, значения 'любить' и 'помнить' фразеологизма *mielessä pidää* являются лишь оттенками одного (какого?) значения. Ведь закономерно, что при полисемии возникают связанные между собой значения.

6. Можно сомневаться в том, оправдано ли при анализе ФЕ типа *mieltä peäh hoivata* 'учить' в предложении элемент *hoivata* считать глаголом, а *mieltä* — дополнением (стр. 122, 148). Следовало ли поступать таким же образом при анализе идиом и других ФЕ предикативного типа, таких как *aparuo ~ raboa antoa* 'отказать жениху (букв. опару ~ грязи дать)' (стр. 41), *peikalo savie piirtää* 'очень пьяный (букв. большой палец глину чертит)' (стр. 198) и др.? Представляется, что в таких случаях надо учитывать семантическую целостность фразеологизма и упомянутые ФЕ целиком считать фразеологическими предикатами (сказуемыми). Изучение структуры ФЕ, конечно, дело другое.

Не всегда можно согласиться и с отнесением к именам тех примеров, где мы имеем дело скорее с наречием, например, *ainoz on suutuksiz* 'всегда сердится (букв. есть в сердцах)'. В таком случае должно быть налицо существительное *suutus*, но

мы не встречаем его ни в карельском, ни в других прибалтийско-финских языках.

Недостатки и погрешности, отчасти лишь технического характера, не снижают практической и теоретической ценности диссертации, которая представляет собой законченное исследование, т. е. описание целой системы карельской фразеологии. Работа свидетельствует о том, что В. П. Федотова, будучи по происхождению карелкой, прекрасно знает материал и владеет необходимой научной методикой. О значимости темы говорит тот факт, что она внесена в план исследований научных учреждений Карельской АССР. В. П. Федотова прекрасно справилась с всесторонним анализом до сих пор слабо изученной фразеологии карельского языка. Выводы и общее заключение тоже не вызывают возражений. Результаты и материалы работы могут быть полезны и при изучении фразеологических систем других финно-угорских и неродственных языков. Полученные новые научные данные могут — last but not least — быть использованы также при изучении карельской лексики, в частности при составлении фразеологического словаря карельского языка. Общетеоретическую ценность имеют наблюдения автора в области комплексных признаков и типов ФЕ. Общий интерес для сравнения представляют статистические данные о частоте употребления типов ФЕ, проблема вариантности и др.

По мнению рецензентов, на основе богатого материала диссертации автору следует подготовить и опубликовать монографию, посвященную фразеологической системе и структуре карельского языка.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту),
ФЕЛИКС ВАКК (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1978.3.12>

М. З. Илькинова, Обособленные второстепенные члены предложения в современных мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1976.

19 сентября 1977 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук преподавателем Мордовского

государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева М. З. Илькиновой на тему «Обособленные второстепенные члены предложения в современных мордовских (мокшанском и эрзянском) языках». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук

И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук М. Д. Имайкина (Саранск).

Синтаксис — наименее исследованная область финно-угорского языкознания, не составляют исключения в этом отношении и мордовские языки. Поэтому, с особым удовлетворением хочется отметить обращение М. З. Илькиной к одному из малоизученных, но важных вопросов мордовского синтаксиса.

Расширение сферы употребления мордовских языков обусловило усиленное развитие и совершенствование всех уровней языковой структуры вообще и такой грамматической категории, как обособление, в частности.

Вопрос об обособлении в смысле постановки для мордовского языкознания нов. Начало его изучению положено изданием школьных учебников еще в сороковых годах. Ученые и впоследствии не раз обращались к нему. Однако целостного и всестороннего исследования его до сих пор не было, и этот пробел остро ощущается как при разработке общей синтаксической теории мордовских языков, так и в преподавании их. Работа М. З. Илькиной в научно-практическом плане очень актуальна.

Перед исследователем стояла нелегкая задача — осмыслить специфику процесса обособления в мордовских языках, который находится в стадии развития. С этой задачей, как нам кажется, М. З. Илькина справилась.

Автору рецензируемой работы хорошо известна литература об обособлении членов предложения в других финно-угорских языках: в необходимых случаях оперируя результатами исследований родственных языков, она смогла глубже проникнуть в суть проблемы на мордовской почве.

Удачно выбранная структура работы, состоящей из введения, где раскрываются общие характерные признаки обособлений, трех глав, посвященных анализу трех типов обособлений в мордовских языках, и выводов, позволила автору логично и последовательно изложить теоретический материал.

Большинство выводов, сделанных на основе анализа богатого фактического материала, являются либо новыми для мордовского языкознания, либо представляют собой значительное углубление ра-

нее высказанных положений. К важнейшим выводам относятся следующие:

1. Обособление — характерный признак мордовских языков, свойственный в основном стилю художественной и научной литературы. Оно носит синтаксический и стилистический характер и применяется с целью подчеркивания отличительных признаков предметов, лиц, действий, выделения особой смысловой функции того или иного члена предложения.
2. Общим условием обособления является ослабление синтаксической связи между второстепенным членом предложения и определяемым им словом, вследствие чего первый получает относительную смысловую и грамматическую самостоятельность, вступает в полупредикативную связь с определяемым словом и по своему содержанию приближается к придаточным частям сложных предложений.
3. Обособленные члены предложения несут в себе дополнительную информацию об объекте речи.
4. С точки зрения мелодики обособленный член предложения получает оформление синтагмы.
5. Существуют фонетические и грамматические средства обособления. Из фонетических особое значение имеют интонация, пауза и ударение. К грамматическим средствам относятся место, занимаемое второстепенным членом предложения по отношению к определяемому слову, способы морфологического выражения, использование служебных слов и т. д. В значительной мере обособлению способствует степень распространенности второстепенного члена пояснительными словами.

Автор пользуется оптимальной схемой анализа: 1) выявление причин и условий обособления; 2) семантико-функциональная характеристика обособленных членов; 3) фонетическая структура обособлений; 4) способы морфологического выражения опорных и их определяющих слов; 5) синтаксическая природа и структура обособлений; тип связи между обособленным членом предложения и определяемым им словом; место, занимаемое обособленным членом предложения по отношению к определяемому слову; 6) сходство и различие между обособленными членами и придаточными частями сложных предложений, пути преобразования первых в последние.

По вышеперечисленным пунктам в синхронном плане рассмотрены три типа

обособлений: 1) обособленные определения, 2) обособленные дополнения и 3) обособленные обстоятельства; каждому типу посвящена отдельная глава.

Справедливо утверждение о том, что по возможности обособляются второстепенные члены предложения неодинаковы. Обособленные определения и обстоятельства представляют собой обычное явление письменной мордовской речи. Обособленные дополнения встречаются значительно реже, что объясняется наличием тесной связи между дополнением и глаголом-сказуемым.

Основным условием обособления определений правильно считается его постпозитивное положение, хотя автор отмечает, что в редких случаях наблюдается обособление и препозитивных определений. На наш взгляд, не совсем верно категоричное утверждение о том, что в условиях постпозиции обособленное определение согласуется с определяемым словом в числе. Как показывает языковой материал, относительные прилагательные не подчиняются этому правилу (*Ярмактне, пиже марто сиянь, эчке пиземекс кармасть прамо шапкантень* 'Деньги, медные и серебряные, частью дождем посыпались в шапку'; *Цёрась совавтсь койметь, покшт, кшнинь ды чувтонь* 'Мужчина внес лопаты, большие железные и деревянные').

Атрибутивное значение обособленных определений осложняется добавочной предикативностью, что приближает данную языковую единицу к сказуемому предложения.

Как особый вид обособленного определения в работе подробно рассматривается обособленное приложение. Важное значение имеет выяснение вопроса о способах выражения приложений (существительными, субстантивированными прилагательными, числительными, причастиями), так как в учебниках по мордовским языкам утвердилось не отражающее лингвистическую действительность мнение о том, что приложение выражается только именами существительными.

В структурном отношении обособленные определения бывают нераспространенными и распространенными.

Автор дает правильную оценку обособленным определениям и синонимичным им придаточным частям сложного предло-

жения: в структурном отношении и по полноте выражения предикативности это две разные синтаксические единицы. Однако при соответствующем оформлении обособленное определение может преобразоваться в придаточную часть сложного предложения. Лишено оснований утверждение автора о том, что «при переходе причастной группы в определительное придаточное предложение страдательное причастие принимает форму глагола 3 лица прошедшего времени изъявительного наклонения» (стр. 71). Фактический материал работы свидетельствует о том, что эти причастия, не переходя в глагол, могут оформляться с помощью сказуемых суффиксов: *Красной площадентень стройсэ ютась раужо шинельсэ оршазь моряконь батальон; Красной площадентень стройсэ ютась моряконь батальон, кона оршазь (оршазель) раужо шинельсэ* 'На Красную площадь строем прошел в черные шинели одетый морской батальон; На Красную площадь строем прошел морской батальон, который был одет в черные шинели'.

Во второй главе рассматриваются обособленные дополнения. Как отмечает М. З. Илькинова, в финно-угорских языках, в том числе и в мордовских, в силу специфики грамматической структуры обособление дополнений весьма редко. Она анализирует лишь один тип обособленных дополнений — обособление дополнений с некоторыми послелогами. Автор пишет, что в семантическом отношении такие дополнения несут в себе добавочную информацию о подлежащем предложения. Однако следовало бы указать, что эти дополнения могут нести информацию и о других членах предложения.

Раздел, в котором анализируется функциональная сущность обособленных дополнений, во многом зависящая от семантики послелогов, содержит интересные наблюдения и верные выводы.

Последняя глава работы посвящена обособленным обстоятельствам. С достаточной убедительностью показана необходимость выделения двух структурно-семантических групп обособленных обстоятельств: обособленные обстоятельства, относящиеся только к сказуемому, и обособленные обстоятельства, поясняющие сказуемое и уточняющие значение предшествующего обстоятельства. Обстоятельства

последнего типа названы в работе уточнениями.

Обособление обстоятельств тесно связано, с одной стороны, с ослаблением синтаксической связи обстоятельств с поясняемым глаголом, с другой, с усилением их самостоятельной роли в предложении, появлением у них способности совмещать функции обстоятельственного члена и второстепенного сказуемого.

Далее в работе очень подробно и всесторонне проанализированы все виды обособленных обстоятельств: образа действия, времени и места.

Как особый вид обособленных обстоятельств автором выделен и тщательно проанализирован сравнительный оборот, выполняющий функцию сопоставления двух предметов, явлений и т. д. Для выражения сравнения широко используются служебные слова. Сравнительные обороты по своей семантике близки к сравнительным придаточным частям сложного предложения. Однако в отличие от последних, сравнительный оборот является только частью простого предложения, в нем отсутствуют подлежащее и сказуемое; он занимает как бы промежуточное положение между второстепенными членами и придаточными частями сложного предложения.

В разделе об обособленных обстоятельствах уместно было бы подробнее остановиться на характеристике деепричастных групп. При более пристальном целенаправленном наблюдении здесь можно сделать довольно оригинальные выводы о сущности т. н. деепричастных оборотов, во многом отличающихся от соответствующего явления, например, в русском языке.

Одним из упущений М. З. Илькиной следует считать недостаточное использование в работе сравнительного анализа. Факты других языков представили бы богатый материал для более глубоких обобщений о природе рассматриваемой категории в мордовских языках. М. З. Илькина нередко ограничивается описанием фактов, не всегда прибегая к доказательствам и теоретическим обобщениям.

Говоря об обособленных членах предложения в мордовских языках, трудно обойти вопрос о влиянии на эту категорию строя русского предложения. Однако автора рецензируемой работы эта сторона проблемы почему-то не заинтересовала.

В работе употребляется термин «придаточные предложения». Известно, что в лингвистической литературе последнего времени рассматриваемые синтаксические единицы принято называть придаточными частями сложных предложений.

Как известно, обособлению подвергаются только второстепенные члены предложения, что делает лишним указание на это в названии темы диссертации. Думается также, что не имело смысла вводить в название темы слова «мокшанского и эрзянского».

В целом поставленные в работе вопросы решены на должном научно-методическом уровне, а выводы имеют научно-практическую ценность — они могут быть использованы при составлении научных и практических грамматик по мордовским языкам, а также в преподавании этих языков.

М. Д. ИМАЙКИНА (Саранск)

Л. М. Безносикова, Роль диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 1977.

Вышеназванная диссертация была защищена 20 февраля 1978 года в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук младшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР

Л. М. Безносиковой. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук А. Туркин (Таллин).

Лексика коми литературного языка исследована довольно обстоятельно: составлены и изданы словари разных ти-